

Иосиф Дзялошинский

Гражданское общество. О чем спор?

Есть старый советский анекдот о слесаре, который работал на заводе, производившем швейные машинки. Решив сделать жене подарок к 8 марта, сей слесарь наворовал на заводе детали и попытался собрать швейную машинку дома. Каково же было его удивление, когда вместо швейной машинки получился пулемет. И каждый раз, когда он пытался собрать швейную машинку, получался пулемет. Такая же история происходит со многими понятиями и теориями, которые россияне заимствуют на Западе. Там швейная машинка, у нас из этих же деталей получается пулемет. Наглядное свидетельство - трансформация понятийного комплекса, связанного с категорией "гражданское общество".

Некоторое время назад среди российских политических деятелей и аналитиков демократической ориентации было распространено представление о том, что по мере разрушения социально-психологических опор прежней коммунистической системы будет происходить становление новых форм общественного сознания, создающих фундамент альтернативной демократической системы. Считалось, что гражданское общество окажет в России действенное сопротивление власти и авторитарным тенденциям, что структуры гражданского общества явятся важнейшим элементом процесса демократизации. К сожалению, реальность не подтвердила эти расчеты. Непредвзятый анализ показывает, что далеко не все структуры третьего сектора действительно заинтересованы в демократии.

Процесс становления гражданского общества в России привел, к сожалению, явно не к тем результатам, которые рисовались в концепциях, отводивших этому обществу главенствующую роль в превращении демократии в образ жизни. В реальности гражданское общество как общество независимых, самостоятельных граждан, самостоятельно выражающих и защищающих свои интересы, в значительной мере приобрело достаточно уродливые черты, характеризуясь фрагментированностью, криминализацией, национализмом, нетерпимостью к инакомыслящим и максимализмом в отстаивании узкогрупповых, эгоистических интересов.

Не вдаваясь в неясность различения гражданских, политических и иных негосударственных, неправительственных структур, можно уверенно сказать, что третий сектор и демократия в России находятся в очень непростых отношениях. В России на сегодняшний день полным полно НГО и НПО, но то, что в России нет гражданского общества, это настолько очевидно, что даже спорить с этим никто не хочет. Не успев стать нормальным противовесом государству, некоторые российские НГО уже активно вписались в систему управления, становясь неким инструментом власти, с помощью которого власть решает некоторые свои задачи. Последнее время у меня возникает все больше подозрений, что значительная часть всех этих спортивных клубов, хоровых обществ, кооперативов и культурных ассоциаций, национально-культурных автономий организованы самой властью для своих целей. Более того, осмелюсь сказать, что некоторые из этих структур гражданского общества выступают не против авторитаризма, а против демократии. Поэтому, мне кажется, надо бы вновь вернуться к вопросу о том, что есть в России власть и что есть гражданское общество.

О гражданском обществе у нас пишут и говорят очень много. Вышли тысячи статей и сотни (а может быть, тоже тысячи) книг. Проводятся научно-практические конференции,

круглые столы, дискуссии. Интерес к этой проблематике обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что Россия, как и многие другие страны, находится в ситуации выбора стратегической модели развития. Точнее, выбора отношения к одной-единственной модели, которая предъявлена всему человечеству так называемым Западом. Суть этой модели довольно проста: рыночные отношения в экономике, права человека как альфа и омега общественной жизни, уважение к Закону, защищающему права человека, публичность и информационная открытость власти, действительно подотчетной избирающему ее народу. В других терминах эта модель описывается понятиями: "гражданское общество", "открытое общество", "информационное общество"¹. [1 - Разумеется, реальная жизнь в странах Запада отнюдь не всегда протекает в соответствии с этими идеалами. Но глупо и смешно на этом основании отрицать саму эту модель, так же, как глупо и смешно, отрицать заповеди Иисуса Христа из-за того, что поведение многих верующих им не соответствует. Важно другое: западные общества, выдвинувшие эту модель организации жизнедеятельности социума, медленно, трудно, но настойчиво реализуют ее, доказывая, что так можно жить и, более того, жизнь, организованная на этих основаниях, значительно эффективнее, чем жизнь в других обществах. И сейчас перед остальными странами со всей остротой встал вопрос: брать ли эту модель за основу или искать другие, а если брать, то как ее реализовать с учетом принципиально разного исторического и культурного опыта народов.]

Существует три варианта ответа на этот вопрос. Один из них можно обозначить как "вестернизационный проект", другой - "модернизационный проект", третий - "фундаменталистский (или, в других терминах, "архаический") проект".

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта.

Сторонники модернизационного проекта считают, что "западный проект мироустройства" сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т.д. и т.п.

Наконец, "фундаменталистский проект" ориентируется на принципиальный и высокомерный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи "возврата к истокам", "припадания к глубинным основам народной мудрости" и т.д.

Что касается России, то, как и многие другие государства, вкусившие горькие плоды практического воплощения социальной утопии, она приступила к самотранс-формации. Уникальность такой трансформации в России заключается в одновременном протекании трех процессов: в переходе от тоталитарного политического режима к демократическому, от централизованно планируемой экономики к рыночной и от бывшей советской империи к формированию национального государства.

В течение последних десяти лет Россия удалялась от тоталитарного прошлого.

Происходило становление институтов политической демократии, формировался рыночный характер экономики, создавались новые правовые основы государственной и общественной жизни. Ушли в прошлое цензура и идеологический диктат в сфере культуры и искусства.

Однако во многих важных сферах жизни страна развивалась в сторону, хотя и нового, но не слишком привлекательного общественного устройства. Прошла приватизация государственной собственности, в процессе которой сложился симбиоз части государственного чиновничества и финансово-промышленной олигархии. Усилилась опасность превращения государства в поле для соперничества различных кланов, обладающих реальной экономической и политической властью и использующих институты демократии в своих узкокорыстных целях. Новые демократические институты еще не стали настолько сильными, чтобы эффективно противодействовать этим тенденциям. Тем не менее, некоторые демократические ценности, такие, как зачатки гражданского общества, независимая пресса, политический плюрализм, конкурентная система выборов, уже достаточно укоренились в общественном сознании.

В России появились основные атрибуты демократической государственности: выборность руководителей исполнительной власти и законодателей, многопартийность, разделение властей. В последние годы происходила также определенная стабилизация государственной власти и управления. Отошли в прошлое катастрофические конфликты между ветвями власти, нормализуются отношения федерального центра и регионов на договорной основе. На разных уровнях власти появляются квалифицированные и образованные менеджеры.

Вместе с тем еще окончательно не решены проблемы распределения полномочий и ответственности между федеральным центром, регионами и местными органами власти. Обеспечение социальных нужд (медицины, образования и т.д.) остается острой общенациональной проблемой. Цивилизованные и максимально прозрачные отношения бизнеса и государства, защита конкуренции и добросовестного предпринимательства находятся в зачаточном состоянии. Слабо развито партнерство между государством и обществом, еще не сложились механизмы общественного контроля за властью. В результате сохраняется, а временами нарастает отчуждение власти от общества и общества от власти. Широко распространено представление о коррумпированности и неэффективности государства. С другой стороны, власть по-прежнему нередко видит в населении не граждан, а подданных.

Для того, чтобы понять, почему это происходит, необходимо дать хотя бы краткую характеристику смыслового комплекса, обозначаемого понятием "гражданское общество", которое является предметом ожесточенного спора между сторонниками трех обрисованных выше проектов развития России.

Немного истории

Канадский политический философ Чарльз Тэйлор выделил две основные традиции понимания гражданского общества. Л-традиция, восходящая к Джону Локку и названная так по первой букве его фамилии, рассматривает гражданское общество как некое этическое сообщество, живущее по естественным законам до и вне политики. Для Л-традиции важна концепция естественного состояния, в которой уже заложены все основные черты той совокупности разнообразнейших форм жизни, которую более поздние англо-американские теоретики будут называть "гражданским обществом". Вводя несколько позже термин "civil society" в его нынешнем понимании, Фергюсон и Смит тоже исходили из локковского видения мирной и разнообразной дополитической жизни сообщества. Во-первых, они противопоставили гражданское общество военному как общество мирное, действующее гражданскими, а не военными методами и отдающее предпочтение при реализации своих целей мирной торговле перед вооруженным

захватом. Во-вторых, их гражданское общество противостояло обществу варваров, не знающих утонченных манер и не ведающих о промышленных и культурных достижениях цивилизации. Гражданское общество в этом смысле - это общество, вкусившее всех плодов цивилизации. Диктат этики, гражданские, а не военные методы разрешения немногочисленных споров, совместная гордость успехами сообщества связывают людей, придерживающихся цивилизованных законов в своей насыщенной жизни вне политической сферы. Как производное от людских потребностей и забот минимальное государство появляется только тогда, когда гражданское общество вызывает его к жизни.

М-традиция, берущая свое имя от Шарля Монтескье, представляет гражданское общество как набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида от посягательств власти. Исходный пункт М-традиции - наличие сильного централизованного государства, от которого надо защищаться. Шарль Монтескье, Бенжамен Констан и Алексис де Токвиль сосредоточивали внимание на проблеме защиты политической свободы от угрозы деспотического вмешательства государства в жизнь индивидов или групп населения. Функции защиты индивида могут взять на себя ассоциации граждан, которые должны стать своего рода школой свободы, где граждане приобщались бы к нравам республиканской добродетели, необходимым для сохранения свободы от того, что Токвиль, живший в конце XVIII - начале XIX ве-ка, называл угрозой "демократического деспотизма".

Пропустим Гегеля, Маркса и Антонио Грамши, немало размышлявших о том, что обозначается понятием "гражданское общество", и констатируем, что, несмотря на ряд различий между английской, французской и немецкой моделями гражданского общества, соответствующие понятия относятся к единой западной концепции гражданского общества. Основные конститутивные элементы или институты гражданского общества - свободные ассоциации граждан (горожан), экономический рынок и публичная политика. Но концептуальное единство обеспечивается не столько формальным совпадением структур, сколько тем, что западное гражданское общество сформировалось как общая для многих стран традиция или форма общественной жизни, как историческая конфигурация практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов). Именно на этом общем фоне английская, французская и немецкая политические теории последних двух столетий артикулировали идею гражданского общества. И именно благодаря тому, что новые формы жизни и мышления превратились в устойчивую традицию, о гражданском обществе на Западе постепенно забыли.

Но в этой традиции отчетливо выявились две группы аргументов, которые использовались для защиты идеи "гражданского общества". Первая группа аргументов, (которую иногда обозначают понятием "гражданское общество I") наиболее четко отражена в работе Алексиса де Токвиля "О демократии в Америке", которой предшествовал важный труд "шотландских моралистов" восемнадцатого века - Адама Смита, Адама Фергюсона и Фрэнсиса Хатчесона. В рамках этого подхода особое внимание уделяется способности коллективной жизни в целом и навыкам общения и совместной работы, в частности, воспитывать цивилизованный образ жизни и манеру поведения в демократическом государстве. Вторая версия (так называемое "гражданское общество II") наиболее отчетливо сформулирована Яцеком Куроном, Адамом Михником и их соратниками в ходе выработки стратегии сопротивления коммунистическому режиму в восьмидесятых годах в Польше. Она также четко прочитывается в недавних работах по процессам "редемократизации" в Латинской Америке и подчеркивает свойство гражданского общества быть сферой деятельности, независимой от государства, и вследствие этого способной пробуждать и питать сопротивление тираническому режиму.

Между "гражданским обществом I" и "гражданским обществом II" имеется некоторое противоречие, поскольку первое утверждает положительную роль общественных

объединений в системе управления (правда, в демократической системе управления), а второе подчеркивает важность гражданских объединений как противовеса государству. В принципе неясно, почему "противовес" гражданского общества не может стать таким же бременем для демократического, как и для авторитарного государства. И действительно, раздаются голоса (например, экономист Манкур Олсон), которые предостерегают, что "густая сеть ассоциаций", восхваляемая аргументом в пользу гражданского общества, представляет опасность для гладкого и справедливого функционирования современных государств и рынков.

Как ни странно, и "гражданское общество I", которое подчеркивает политические преимущества аполитичного гражданского общества, и "гражданское общество II", сосредоточенное на политически ангажированных социальных субъектах вне традиционных политических ассоциаций, имеют тенденцию выносить за скобки собственно политические ассоциации, в особенности партии. Однако сходство в этом пункте не снимает понятийную неопределенность, о которой шла речь в начале. В самом деле, два варианта "аргумента" расходятся по поводу природы того гражданского общества, которое они сопоставляют с политическим обществом. Частично нечеткость определения вызывается самим размахом "аргумента". Гражданскому обществу приписывалась способность развивать демократию и обуздывать авторитаризм в таких разных местах и условиях, как Америка Джексона, послевоенная Италия, Восточная Европа на закате советской империи и Латинская Америка при военных режимах. Временами кажется, что это понятие приобретает свойства газа, который может расширяться или сжиматься, приспосабливаясь к аналитическому пространству, предоставляемому ему тем или иным историческим или социополитическим контекстом.

В обоих вариантах аргумента в пользу гражданского общества отражаются свойства той конкретной ситуации, к которой их применяют. Сторонники аргументации "гражданского общества II" включают в него организации, призывающие граждан к протесту против тирании и к противостоянию государственной власти. Поэтому они совершенно справедливо подчеркивают конфликтный потенциал гражданского общества. Кроме того, они обращают особое внимание на новые формы ассоциаций, поскольку политические и традиционные организации часто запятнаны сотрудничеством с режимом.

Наоборот, сторонники аргументации "гражданского общества I" включают в "гражданское общество" в основном те группы, чья деятельность порождает позитивный "социальный капитал". Как правило, это традиционные ассоциации "второго эшелона", то есть организации, не обладающие ни конфликтным характером, ни политическим весом.

Таким образом, налицо конфликт в толковании самой сущности "гражданского общества", и, судя по всему, этот конфликт во всей красе проявляется у нас на глазах.

Колосс на глиняных ногах?

Особую пикантность проблематике "гражданского общества" в его российском варианте придает то обстоятельство, что в России само понятие "гражданин" никогда не содержало европейских коннотаций. С одной стороны, народ почитался несмышленным дитяем, которое должно быть опекаемо мудрым государем либо мудрой общественностью, с другой стороны, людей объединяли в различные группы и ассоциации не социальные, а преимущественно дружеские и родственные связи.

Что касается права на сопротивление деспотическому режиму, то оно закреплялось за определенным слоем людей, желавших противопоставить себя светскому (аристократическому) салонному обществу и называвших себя общественностью. Так получилось, что в России гражданственность стала признаком (и уделом) определенной группы людей, рассматривавших себя носителями всех прогрессивных идей. "Общественность" стали прочно ассоциировать с общественным мнением, с критически

настроенной пишущей и читающей публикой. В свою очередь, сферу общественного мнения воспринимали как самостоятельную силу и часто открыто противопоставляли государственной (официальной) точке зрения. Герценовский "Колокол" постоянно апеллировал к общественному мнению и одновременно воспроизводил его как новый политический институт. Либеральный историк рубежа веков Василий Маклаков озаглавил свои мемуары, описывавшие эту пору, так: "Власть и общественность на закате старой России".

Что касается советского периода, то хотя общество не только не было полностью огосударствлено, но и выработало самостоятельные типы солидарности, противостоявшие государству, однако вписать отношения между обществом и государством в СССР в классические теории гражданского общества трудно. Есть основания полагать, что мы имели дело не с зачаточным гражданским обществом, которое по мере ослабления государства должно было бы развиваться и укрепиться, а с чем-то иным, трудно укладываемым в политологические концепции.

Речь идет о дружеских сетях, существовавших прежде на "оборотной" стороне советского общества и ставших ныне явной частью постсоветского бизнеса и клановой политики. Сети патронажно-клиентских отношений наиболее важны для формирования политических квазикланов и бизнес-связей; однако ядра некоторых политических и экономических группировок составляют трансформированные и до определенной степени институционализированные бывшие сети друзей.

Крах тоталитарного режима в России создал некоторые условия для пробуждения гражданской активности, и в годы перестройки начался впечатляющий подъем так называемых неформальных общественных движений и антибюрократических, антиноменклатурных массовых политических течений. Однако они носили конъюнктурный характер и в значительной мере "ушли в песок" после свержения власти КПСС. Будучи продуктом относительно кратковременного общественного настроения, эти движения не привели к возникновению устойчивых гражданских социально-психологических ориентаций, к формированию такой системы массовых социальных представлений, которая могла бы лечь в основу развития гражданского общества.

Можно назвать несколько причин этого явления, в том числе обострение экономических трудностей и тяготы повседневной жизни. Но дело было и в спонтанном характере произошедшего в конце 80-х - начале 90-х годов взлета общественной активности. "Взрыв" социальной энергии, подавляемой тоталитаризмом, мог бы трансформироваться в относительно устойчивые поведенческие ориентации только при одном условии: если бы общественное сознание освоило знания и представления, нормы и ценности, стимулирующие и легитимирующие общественную активность людей. Опыт других стран показывает, что радикальное обновление социальных представлений и их организация в единую систему происходят лишь в том случае, если они опираются не только на собственный опыт людей, но и на отвечающие этому опыту научные или идеологические концепции, интенсивно предлагаемые массовому сознанию. Это тем более верно по отношению к перестроечной и постперестроечной России, где опыт жизни "по-новому" еще крайне беден, фрагментарен и хаотичен.

Особенно мощное препятствие на пути развития в России гражданского общества - отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре. Что касается демократии и гражданского общества, то тут понятия и практика тесно связаны друг с другом. Существование пусть даже формальных и ограниченных демократических институтов (как в ряде стран Западной Европы в середине XIX века) стимулирует гражданскую активность, а она, в свою очередь, превращается в мотор развития демократии. Представления, устойчиво мотивирующие массовую гражданскую активность, способны сложиться в российском обществе лишь в неразрывной связи с

развитием демократического сознания; практически оба эти процесса неразделимы. Оба требуют широкого притока в общественное сознание новых концептуальных знаний о демократических принципах и нормах общественной жизни.

Однако замена старых представлений на новые зависит, очевидно, не только от соответствия новых знаний изменившейся действительности, но и от свойств старых представлений - их целостности, жесткости или изменчивости, насколько они поддаются модификации и различному истолкованию. Это побуждает видеть в культурных и социальных архетипах русского менталитета один из важнейших факторов социальных познавательных процессов в посттоталитарном обществе. И вряд ли кто будет возражать против тезиса о том, что эти архетипы менее благоприятны для восприятия либеральных идей, чем в ряде переходных обществ Центральной и Восточной Европы.

Для россиян традиционно характерен, во-первых, государственно-патерналистский комплекс: к власти не испытывают ни любви, ни доверия, но от нее и только от нее зависит как хорошее, так и плохое в жизни индивида. Во-вторых, для этого менталитета характерна психология уравниательства, не имеющая ничего общего с ценностью равенства в западной демократической культуре. На индивидуальном уровне ее (как и государственно-патерналистский комплекс) питает осознанное или подсознательное ощущение социальной слабости личности. Уравнительство играет роль компенсатора: если человек живет бедно и плохо, его "утешает", что окружающие живут так же. Того, кто с помощью неординарного поведения добивается более высокого материального и социального статуса, осуждают, потому что он лишает других этого утешения, становится для них источником психологического дискомфорта. Легитимным считают только такое повышение статуса, которое происходит не в результате личных усилий, а по воле судьбы или начальства. В традиционной русской культуре уравнительство связано с отсутствием в ней этики успеха и достижения, сыгравшей столь большую роль в развитии западных обществ. Слабая ответственность за собственную жизнь, перенесение этой ответственности на надличностные инстанции (судьба, Бог, власть, социальные институты) типичны для россиян. Именно в этой установке многие исследователи видят главное психологическое и культурное препятствие для развития гражданского общества.

Разумеется, утверждение отличий России от европейского мира, глубоко коренящихся в культуре и практически непреодолимых, может интерпретироваться по-разному. Вот лишь несколько цитат.

Константин Леонтьев: Германский феодализм положил начало "чрезмерному самоуважению лица... которое... и породило все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица... сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства".

"Россия не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, - это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности".

Главная цель России - развитие "своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации, от европейской... настолько же отличной, насколько были отличны эллино-римская от... халдейской и персо-мидийской".

Георгий Федотов: "...Россия не может равняться с Францией или Германией; у нее особое призвание, Россия - не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет - как Россия".

Николай Бердяев: "Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира".

Тот факт, что и гражданское общество-идея и гражданское общество-практика родились и развились не в российском, а в европейско-североамериканском цивилизационном мире, часто и служит обоснованием невозможности и ненужности демократических институтов в нашей стране.

Разумеется, было бы неверно считать, что русские умонастроения последовательно антилиберальны и антидемократичны. Россия конца XX века - индустриальное, урбанизированное и достаточно образованное общество. Как и любое общество такого типа, оно неоднородно в культурном отношении: общенациональные традиции обладают неодинаковым влиянием и устойчивостью, по-разному интерпретируются в рамках различных субкультур. Последние можно выделить по разным основаниям. Наиболее "грубое" деление - на городскую (большие, отчасти средние города) и сельскую (деревня, малые города) культуры. Сельская, как и повсюду, консервативна, но не потому, что ее носители, чаще всего голосующие на выборах за коммунистов и националистов, - убежденные сторонники коммунистической и националистической доктрин. Их консервативное социальное и политическое поведение объясняется страхом перед переменами. Ибо жители русских сел и маленьких городов на собственном опыте знают: перемены приходят из Центра, их порождают и проводят в жизнь чуждые им люди - без учета их мнений и предпочтений. Именно в рамках сельской субкультуры наиболее устойчиво сохраняются традиционные социальные архетипы.

А вы друзья, как ни садитесь...

Таким образом, можно сказать, что необходимое условие функционирования гражданского общества - существование определенного типа личности, для которой характерны высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к социуму вообще и к государственной власти в особенности. С другой стороны, этому типу личности присущи способность конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способность подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

Совершенно очевидно, что для формирования такого типа людей необходимо жесткое соблюдение демократических прав и свобод, делающих возможными и законными как автономию личности, так и самоорганизацию граждан для отстаивания общих интересов и целей. Однако одних лишь институциональных (в том числе правовых) условий для этого недостаточно. Не меньшую, а, возможно, большую роль играют предпосылки культурные и социально-психологические. Субъектами гражданского общества могут быть, во-первых, только люди, знающие, что собственные действия - наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества - это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей.

Другими словами, гражданским можно называть только общество, в котором сама структура отношений ориентирована так, что гражданин рассматривает себя как ведущую силу общественного жизнеустройства. Гражданское общество - это не просто набор механизмов, структур, институтов, а некий дух, позволяющий конкретному индивиду постоянно ощущать, что он значимый элемент общественной жизни, что все остальные структуры существуют для того, чтобы он жил и развивался, чтобы его единичный голос был значимым аргументом в выборе путей развития общества.

Это возможно только в том случае, если общество стоит на трех равновеликих и прочных опорах: авторитетной и профессиональной власти, мощном и хорошо структурированном гражданском секторе и свободных, независимых и ответственных СМИ. Ни одна из этих структур не должна подавлять или подчинять себе другую, и ни одна из них не должна снимать с себя ответственность за действия двух других и общества в целом. Любой

перекос во взаимоотношениях этих трех социальных структур ведет к деструктивным процессам в обществе, вынуждает людей приспосабливаться к этим деструкциям и сочинять в оправдание своим приспособленческим действиям самые дикие теории и экзотические "правила игры".

В социально-психологическом отношении российское общество все еще пребывает, так сказать, в "разобранном состоянии", которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо. И у некоторых нетерпеливых политологов возникает ощущение, что в такой ситуации инициатива, необходимая для углубления и закрепления демократических реформ, не может исходить "снизу", со стороны масс и институтов гражданского общества. Возникает иллюзия, что основными агентами общественных преобразований в России и их гарантами являются элитные группы и представители власти. Отсюда стремление власти рассматривать себя в качестве главного "мотора" реформирования общества. Но не надо быть большим аналитиком, чтобы понять, что в этом случае специфические отношения между населением и властью, свойственное российской ментальности понимание свободы как правового нигилизма и анархии приводят к тому, что неформальная активность самодеятельных граждан будет не консолидировать, а усиливать элементы хаоса в общественном развитии сегодняшней России. Развивать центробежные, конфронтационные тенденции.

Надо ли еще объяснять, почему швейная машинка превращается в пулемет?